

# Боярин Орша

Then burst her heart in one long shriek,  
And to the earth she fell like stone  
Or statue from its base o'erthrown.

Во время оно жил да был  
В Москве боярин Михаил,  
Прозваньем Орша. Важный сан  
Дал Орше Грозный Иоанн;  
Он дал ему с руки своей  
Кольцо, наследие царей;  
Он дал ему в веселый миг  
Соболью шубу с плеч своих;  
В день воскресения Христа  
Поцеловал его в уста  
И обещался в тот же день  
Дать тридцать царских деревень  
С тем, чтобы Орша до конца  
Не отлучался от дворца.  
Но Орша нравом был угрюм:  
Он не любил придворный шум,  
При виде трепетных льстецов  
Щипал концы седых усов,  
И раз, опричным огорчен,  
Так Иоанну молвил он:  
Надежа-царь! пусти меня  
На родину я день от дня  
Все старе даже не могу  
Обиду выместить врагу;  
Есть много слуг в дворце твоём.  
Пусти меня! мой старый дом  
На берегу Днепра крутом  
Близ рубежа Литвы чужой  
Оброс могильною травой;  
Пробудь я здесь еще хоть год,  
Он догниет и упадет;  
Дай поклониться мне Днепру...  
Там я родился там умру!

И он узрел свой старый дом,  
Покои темные кругом  
Уставил златом и серебром;  
Икону в ризе дорогой  
В алмазах, в жемчуге, с резьбой  
Повесил в каждом он углу,  
И запестрелись на полу  
Узоры шелковых ковров.  
Но лучше царских всех даров  
Был божий дар младая дочь;  
Об ней он думал день и ночь,  
В его глазах она росла  
Свежа, невинна, весела,  
Цветок грядущего святой,  
Былого памятник живой!  
Так средь развалин иногда  
Растет береза: молода,  
Мила над плитами гробов  
Игрою шепчущих листов,  
И та холодная стена  
Ее красой оживлена!..  
Туманно в поле и темно,  
Одно лишь светится окно  
В боярском доме как звезда  
Сквозь тучи смотрит иногда.  
Тяжелый звякнул уж затвор,  
Угрюм и пуст широкий двор.  
Вот, испытав замки дверей,  
С гремучей связкою ключей  
К калитке сторож подошел  
И взоры на небо возвел:  
А завтра быть грозе большой!  
Сказал, крестясь, старик седой,  
Смотри-ка, молния вдали  
Так и доходит до земли,  
И белый месяц, как монах,  
Завернут в черных облаках;  
И воет ветер, будто зверь.  
Дай кучу злата мне теперь,

С конюшни лучшего коня  
Сейчас седлайте для меня  
Нет, не отъеду от крыльца  
Ни для родимого отца!  
Так рассуждая сам с собой,  
Кряхтя, старик пошел домой.  
Лишь вдалеке едва гремят  
Его ключи вокруг палат  
Все снова тихо и темно,  
Одно лишь светится окно.  
Все в доме спит не спит один  
Его угрюмый властелин  
В покое пышном и большом  
На ложе бархатном своем.  
Полусгоревшая свеча  
Пред ним, сверкая и треща,  
Порой на каждый льет предмет  
Какой-то странный полусвет,  
Висят над ложем образа;  
Их ризы блещут, их глаза  
Вдруг оживляются, глядят  
Но с чем сравнить подобный взгляд?  
Он непонятней и страшней  
Всех мертвых и живых очей!  
Томит боярина тоска;  
Уж поздно. Под окном река  
Шумит и с бурей заодно  
Гремучий дождь стучит в окно.  
Чернеет тень во всех углах  
И странно Оршу обнял страх!  
Бывал он в битвах, хоть и стар,  
Против поляков и татар,  
Слыхал он грозный царский глас,  
Встречал и взор, в недобрый час:  
Ни разу дух его крутой  
Не ослабел перед бедой;  
Но тут он свистнул, и взошел  
Любимый раб его, Сокол.  
И молвил Орша: Скучно мне,

Всё думы черные одне.  
Садись поближе на скамью  
И речью грусть рассей мою...  
Пожалуй, сказку ты начни  
Про прежние златые дни,  
И я, припомнив старину,  
Под говор слов твоих засну.  
И на скамью присел Сокол,  
И речь такую он завел:  
Жил-был за тридевять земель  
В тридцатом княжестве отсель  
Великий и премудрый царь.  
Ни в наше времечко, ни встарь  
Никто не видывал пышней  
Его палат и много дней  
В веселье жизнь его текла,  
Покуда дочь не подросла.  
Тот царь был слаб и хил и стар,  
А дочь непрочный ведь товар!  
Ее, как лучший свой алмаз,  
Он скрыл от молодецких глаз;  
И на его царевну-дочь  
Смотрел лишь день да темна ночь,  
И целовать красотку мог  
Лишь перелетный ветерок.  
И царь тот раза три на дню  
Ходил смотреть на дочь свою;  
Но вздумал вдруг он в темну ночь  
Взглянуть, как спит младая дочь.  
Свой ключ серебряный он взял,  
Сапожки шелковые снял,  
И вот приходит в башню ту,  
Где скрыл царевну-красоту!..  
Вошел в светлице тишина;  
Дочь сладко спит, но не одна;  
Припав на грудь ее главой,  
С ней царский конюх молодой.  
И прогневился царь тогда,  
И повелел он без суда

Их вместе в бочку засмолить  
И в сине море укатить...  
И быстро на устах раба,  
Как будто тайная борьба  
В то время совершалась в нем,  
Улыбка вспыхнула потом  
Он очи на небо возвел,  
Вздыхнул и смолк. Ступай, Сокол!  
Махнув дрожащею рукой,  
Сказал боярин, в час иной  
Расскажешь сказку до конца  
Про оскорбленного отца!  
И по морщинам старика,  
Как тени облака, слегка  
Промчались тени черных дум,  
Встревоженный и быстрый ум  
Вблизи предвидел много бед.  
Он жил: он знал людей и свет,  
Он злом не мог быть удивлен;  
Добру ж давно не верил он,  
Не верил, только потому  
Что верил некогда всему!  
И вспыхнул в нем остаток сил,  
Он с ложа мягкого вскочил,  
Соболью шубу на плеча  
Накинул он в руке свеча,  
И вот, дрожа, идет скорей  
К светлице дочери своей.  
Ступени лестницы крутой  
Под тяжкою его стопой  
Скрыпят и свечка раза два  
Из рук не выпала едва.  
Он видит, няня в уголке  
Сидит на старом сундуке  
И спит глубоко и порой  
Во сне качает головой;  
На ней, предчувствием объят,  
На миг он удержал свой взгляд  
И мимо но послуша стук,

Старуха пробудилась вдруг,  
Перекрестилась, и потом  
Опять заснула крепким сном,  
И, занята своей мечтой,  
Вновь закачала головой.  
Стоит боярин у дверей  
Светлицы дочери своей.  
И чутким ухом он приник  
К замку и думает старик;  
Нет! непорочна дочь моя,  
А ты, Сокол, ты раб, змея,  
За дерзкий, хитрый свой нарек  
Получишь гибельный урок!  
Но вдруг... о горе, о позор!  
Он слышит тихий разговор!..  
О! погоди, Арсений мой!  
Вчера ты был совсем другой.  
День без меня и миг со мной?..  
Не плачь... утешься! близок час  
И будет мир ничто для нас.  
В чужой, но близкой стороне  
Мы будем счастливы одне,  
И не раба обнимешь ты  
Среди полночной темноты.  
С тех пор, ты помнишь, как чернец  
Меня привез, и твой отец  
Вручил ему свой кошелек,  
С тех пор задумчив, одинок,  
Тоской по вольности томим,  
Но нежным голосом твоим  
И блеском ангельских очей  
Прикован у тюрьмы моей,  
Задумал я свой край родной  
Навек оставить, но с тобой!..  
И скоро я в лесах чужих  
Нашел товарищей лихих,  
Бесстрашных, твердых, как булат.  
Людской закон для них не свят,  
Война их рай, а мир их ад.

Я отдал душу им в заклад,  
Но ты моя и я богат!..  
И голоса замолкли вдруг.  
И слышит Орша тихий звук,  
Звук поцелуя... и другой...  
Он вспыхнул, дверь толкнул рукой  
И исступленный и немой  
Предстал пред бледною четой...  
Боярин сделал шаг назад,  
На дочь он кинул злобный взгляд,  
Глаза их встретились и вмиг  
Мучительный, ужасный крик  
Раздался, пролетел и стих.  
И тот, кто крик сей услышал,  
Подумал, верно, иль сказал,  
Что дважды из груди одной  
Не вылетает звук такой.  
И тяжело на цветной ковер,  
Как труп бездушный с давних пор,  
Упало что-то. И на зов  
Боярина толпа рабов,  
Во всем послушная орда,  
Шумя сбежалася тогда,  
И без усилий, без борьбы  
Схватили юношу рабы.  
Нем и недвижим он стоял,  
Покуда крепко обвивал  
Все члены, как змея, канат;  
В них проникал могильный хлад,  
И сердце громко билось в нем  
Тоской, отчаяньем, стыдом.  
Когда ж безумца увели  
И шум шагов умолк вдали,  
И с ним остался лишь Сокол,  
Боярин к двери подошел;  
В последний раз в нее взглянул,  
Не вздрогнул, даже не вздохнул  
И трижды ключ перевернул  
В ее заржавленном замке...

Но... ключ дрожал в его руке!  
Потом он отворил окно:  
Все было на небе темно,  
А под окном меж диких скал  
Днепр беспокойный бушевал.  
И в волны ключ от двери той  
Он бросил сильною рукой,  
И тихо ключ тот роковой  
Был принят хладною рекой.  
Тогда, решив свою судьбу,  
Боярин верному рабу  
На волны молча указал,  
И тот поклоном отвечал...  
И через час уж в доме том  
Все спало снова крепким сном,  
И только не спал в нем один  
Его угрюмый властелин.  
Тогда сердце ее разорвалось в одном протяжном крике,  
И на землю она упала, как камень  
Или статуя, сброшенная с своего пьедестала.  
Байрон (англ.)

The rest thou dost already know,  
And all my sins, and half my woe,  
But talk no more of penitence...  
Народ кипит в монастыре;  
У врат святых и на дворе  
Рабы боярские стоят.  
Их копья медные горят,  
Их шапки длинные кругом  
Опушены густым бобром;  
За кушаком блестят у них  
Ножны кинжалов дорогих.  
Меж них стремянный молодой,  
За гриву правою рукой  
Держа боярского коня,  
Стоит; по временам, звеня,  
Стремена бьются о бока;  
Истерт ногами седока

В пыли малиновый чепрак;  
Весь в мыле серый аргмак,  
Мотает гривую густой,  
Бьет землю жилистой ногой,  
Грызет с досады удила,  
И пена легкая, бела,  
Чиста, как первый снег в полях,  
С железа падает на прах.  
Но вот обедня отошла,  
Гудят, режут колокола;  
Вот слышно пенье из дверей  
Мелькает длинный ряд свечей;  
Вослед игумену-отцу  
Монахи сходят по крыльцу  
И прямо в трапезу идут:  
Там грозный суд, последний суд  
Произнесет отец святой  
Над бедной грешной головой!  
Безмолвна трапеза была.  
К стене налево два стола  
И пышных кресел полукруг,  
Изделье иноческих рук,  
Блистали тканью парчевой;  
В большие окна свет дневной,  
Врываясь белой полосой,  
Дробясь в искры по стеклу,  
Играл на каменном полу.  
Резьбою мелкою стена  
Была искусно убрана,  
И на двери в кружках златых  
Блистали образа святых.  
Тяжелый, низкий потолок  
Расписывал как знал, как мог  
Усердный инок... жалкий труд!  
Отнявший множество минут  
У бога, дум святых и дел:  
Искусства горестный удел!..  
На мягких креслах пред столом  
Сидел в бездействии немом

Боярин Орша. Иногда  
Усы седые, борода,  
С игривым встретившись лучом,  
Вдруг отливали серебром,  
И часто кудри старика  
От дуновенья ветерка  
Приподымались слегка.  
Движеньем пасмурных очей  
Нередко он искал дверей,  
И в нетерпении порой  
Он по столу стучал рукой.  
В конце противном залы той  
Один, в цепях, к нему спиной,  
Покрыт одеждою раба,  
Стоял Арсений у столба.  
Но в молодом лице его  
Вы не нашли б ни одного  
Из чувств, которых смутный рой  
Кружится, вьется над душой  
В час расставания с землей.  
Хотел ли он перед врагом  
Предстать с бесчувственным челом,  
С холодной важностью лица  
И мстить хоть этим до конца?  
Иль он невольно в этот миг  
Глубокой мыслию постиг,  
Что он в цепи существ давно  
Едва ль не лишнее звено?..  
Задумчив, он смотрел в окно  
На голубые небеса;  
Его манила их краса;  
И кудри легких облаков,  
Небес серебряный покров,  
Неслись свободно, быстро там,  
Кидая тени по холмам;  
И он увидел; у окна,  
Заботой резвою полна,  
Летала ласточка то вниз,  
То вверх под каменный карниз

Кидалась с дивной быстротой  
И в щели пряталась сырой;  
То, взвившись на небо стрелой,  
Тонула в пламенных лучах...  
И он вздохнул о прежних днях,  
Когда он жил, страстям чужой,  
С природой жизнью одной.  
Блеснули тусклые глаза,  
Но это блеск был не слеза;  
Он улыбнулся, но жесток  
В его улыбке был упрек!  
И вдруг раздался звук шагов,  
Невнятный говор голосов,  
Скрыл отворяемых дверей...  
Они! взошли! толпа людей  
В высоких, черных клобуках,  
С свечами длинными в руках.  
Согбенный тягостью вериг  
Пред ними шел слепой старик,  
Отец игумен. Сорок лет  
Уж он не знал, что божий свет;  
Но ум его был юн, богат,  
Как сорок лет тому назад.  
Он шел, склонясь на посох свой,  
И крест держал перед собой;  
И крест осыпан был кругом  
Алмазами и жемчугом.  
И трость игумена была  
Слоновой кости, так бела,  
Что лишь с седой его бородой  
Могла равняться белизной.  
Перекрестясь, он важно сел,  
И пленника подвести велел,  
И одного из чернецов  
Позвал по имени суров  
И холоден был вид лица  
Того святого чернеца.  
Потом игумен, наклонясь,  
Сказал боярину, смеясь,

Два слова на ухо. В ответ  
На сей вопрос или совет  
Кивнул боярин головой...  
И вот слепец махнул рукой!  
И понял данный знак монах,  
Укор готовый на устах  
Словами книжными убрал  
И так преступнику вещал:  
Безумный, бренный сын земли!  
Злой дух и страсти привели  
Тебя медовою тропой  
К границе жизни сей земной.  
Грешил ты много, но из всех  
Грехов страшней последний грех.  
Простить не может суд земной,  
Но в небе есть судья иной:  
Он милосерд ему теперь  
При нас дела свои поверь!  
Ты слушать исповедь мою  
Сюда пришел! благодарю.  
Не понимаю, что была  
У вас за мысль? мои дела  
И без меня ты должен знать,  
А душу можно ль рассказать?  
И если б мог я эту грудь  
Перед тобою развернуть,  
Ты, верно, не прочел бы в ней,  
Что я бессовестный злодей!  
Пусть монастырский ваш закон  
Рукою бога утвержден,  
Но в этом сердце есть другой,  
Ему не менее святой:  
Он оправдал меня один  
Он сердца полный властелин!  
Когда б сквозь бедный мой наряд  
Не проникал до сердца яд,  
Тогда я был бы виноват.  
Но всех равно влечет судьба:  
И под одеждою раба,

Но полный жизнью молодой,  
Я человек, как и другой.  
И ты, и ты, слепой старик,  
Когда б ее небесный лик  
Тебе явился хоть во сне,  
Ты позавидовал бы мне;  
И в исступленье, может быть,  
Решился б также согрешить,  
И клятвы б грозные забыл,  
И перенести бы счастлив был  
За слово, ласку или взор  
Мое мученье, мой позор!..  
Не поминай теперь об ней;  
Напрасно!.. у груди моей,  
Хоть ныне поздно вижу я,  
Согрелась, выросла змея!..  
Но ты заплатишь мне теперь  
За хлеб и соль мою, поверь.  
За сердце ж дочери моей  
Я заплачу тебе, злодей,  
Тебе, найденныш без креста,  
Презренный раб и сирота!..  
Ты прав... не знаю, где рожден!  
Кто мой отец, и жив ли он?  
Не знаю... люди говорят,  
Что я тобой ребенком взят,  
И был я отдан с ранних пор  
Под строгий иноков надзор,  
И вырос в тесных я стенах  
Душой дитя судьбой монах!  
Никто не смел мне здесь сказать  
Священных слов: отец и мать!  
Конечно, ты хотел, старик,  
Чтоб я в обители отвык  
От этих сладостных имен?  
Напрасно: звук их был рожден  
Со мной. Я видел у других  
Отчизну, дом, друзей, родных,  
А у себя не находил

Не только милых душ могил!  
Но нынче сам я не хочу  
Предать их имя палачу  
И все, что славно было б в нем,  
Облить и кровью и стыдом:  
Умру, как жил, твоим рабом!..  
Нет, не грози, отец святой;  
Чего бояться нам с тобой?  
Обоих нас могила ждет...  
Не все ль равно, что день, что год?  
Никто уж нам не господин;  
Ты в рай, я в ад но путь один!  
С тех пор, как длится жизнь моя,  
Два раза был свободен я:  
Последний ныне. В первый раз,  
Когда я жил еще у вас,  
Среди молитв и пыльных книг,  
Пришло мне в мысли хоть на миг  
Взглянуть на пышные поля,  
Узнать, прекрасна ли земля,  
Узнать, для воли иль тюрьмы  
На этот свет родимся мы!  
И в час ночной, в ужасный час,  
Когда гроза пугала вас,  
Когда, столпясь при алтаре,  
Вы ниц лежали на земле,  
При блеске молний роковых  
Я убежал из стен святых;  
Боязнь с одеждой кинул прочь,  
Благословил и хлад и ночь,  
Забыл печали бытия  
И бурю братом назвал я.  
Восторгом бешеным объят,  
С ней унести я был бы рад,  
Глазами тучи я следил,  
Рукою молнию ловил!  
О старец, что средь этих стен  
Могли бы дать вы мне взамен  
Той дружбы краткой, но живой

Меж бурным сердцем и грозой?..  
На что нам знать твои мечты?  
Не для того пред нами ты!  
В другом ты ныне обвинен,  
И хочет истины закон.  
Открой же нам друзей своих,  
Убийц, разбойников ночных,  
Которых страшные дела  
Смывает кровь и кроет мгла,  
С которыми, забывши честь,  
Ты мнил несчастную увезть.  
Мне их назвать? Отец святой,  
Вот что умрет во мне, со мной.  
О нет, их тайну не мою  
Я неизменно сохраню,  
Пока земля в урочный час  
Как двух друзей не примет нас.  
Пытай железом и огнем,  
Я не признаюсь ни в чем;  
И если хоть минутный крик  
Изменит мне... тогда, старик,  
Я вырву слабый мой язык!..  
Страшись упорствовать, глупец!  
К чему? уж близок твой конец,  
Скорее тайну нам предай.  
За гробом есть и ад и рай,  
И вечность в том или другом!..  
Послушай, я забылся сном  
Вчера в темнице. Слышу вдруг  
Я приближающийся звук,  
Знакомый, милый разговор,  
И будто вижу ясный взор...  
И, пробудясь во тьме, скорей  
Ищу тех звуков, тех очей...  
Увы! они в груди моей!  
Они на сердце, как печать,  
Чтоб я не смел их забывать,  
И жгут его, и вновь живут...  
Они мой рай, они мой ад!

Для вспоминания об них  
Жизнь ничего, а вечность миг!  
Богохулитель, удержиись!  
Пади на землю, плачь, молись,  
Прими святую в грудь боязнь...  
Мечтанья злые божья казнь!  
Молись ему...  
Напрасный труд!  
Не говори, что божий суд  
Определяет мне конец:  
Всё люди, люди, мой отец!  
Пускай умру... но смерть моя  
Не продолжит их бытия,  
И дни грядущие мои  
Им не присвоить и в крови,  
Неправой казнью пролитой,  
В крови безумца молодой  
Им разогреть не суждено  
Сердца, увядшие давно;  
И гроб без камня и креста,  
Как жизнь их ни была свята,  
Не будет слабым их ногам  
Ступенью новой к небесам;  
И тень несчастного, поверь,  
Не отопрет им рая дверь!..  
Меня могила не страшит:  
Там, говорят, страданье спит  
В холодной, вечной тишине,  
Но с жизнью жаль расстаться мне!  
Я молод, молод знал ли ты,  
Что значит молодость, мечты?  
Или не знал? Или забыл,  
Как ненавидел и любил?  
Как сердце билось живей  
При виде солнца и полей  
С высокой башни угловой,  
Где воздух свеж и где порой  
В глубокой трещине стены,  
Дитя неведомой страны,

Прижавшись, голубь молодой  
Сидит, испуганный грозой?..  
Пускай теперь прекрасный свет  
Тебе постыл... ты слеп, ты сед,  
И от желаний ты отвык...  
Что за нужда? ты жил, старик;  
Тебе есть в мире что забыть,  
Ты жил я также мог бы жить!..  
Но тут игумен с места встал,  
Речь нечестивую прервал,  
И негодуя все вокруг  
На гордый вид и гордый дух,  
Столь непреклонный пред судьбой,  
Шептались грозно меж собой,  
И слово пытка там и там  
Вмиг пробежало по устам;  
Но узник был невозмутим,  
Бесчувственно внимал он им.  
Так бурей брошен на песок,  
Худой, увязнувший челнок,  
Лишенный весел и гребцов,  
Недвижим ждет напор валов,  
...Светает. В поле тишина.  
Густой туман, как пелена  
С посеребренной каймой,  
Клубится над Днепром-рекой.  
И сквозь него высокий бор,  
Рассыпанный по скату гор,  
Безмолвно смотрится в реке,  
Едва чернея вдалеке.  
И из-за тех густых лесов  
Выходят стаи облаков,  
А из-за них, огнем горя,  
Выходит красная заря.  
Блестят кресты монастыря;  
По длинным башням и стенам  
И по расписанным вратам  
Прекрасный, чистый и живой,  
Как счастье жизни молодой,

Играет луч ее златой.  
Унылый звон колоколов  
Созвал уж в храм святых отцов;  
Уж дым кадил между столбов,  
Вился струей, и хор звучал...  
Вдруг в церковь служка прибежал,  
Отцу игумену шепнул  
Он что-то скоро тот вздрогнул  
И молвил: Где же казначей?  
Поди спроси его скорей,  
Не затерял ли он ключей!  
И казначей из алтаря  
Пришел, дрожа и говоря,  
Что все ключи еще при нем,  
Что не виновен он ни в чем!  
Засуетились чернецы,  
Забегали во все концы,  
И свод нередко повторял  
Слова: бежал! кто? как бежал?  
И в монастырскую тюрьму  
Пошли один по одному,  
Загадкой мучаясь простой,  
Жильцы обители святой!..  
Пришли, глядят: распилена  
Решетка узкого окна,  
Во рву притоптанный песок  
Хранил следы различных ног;  
Забытый на песке лежал  
Стальной, зазубренный кинжал,  
И польский шелковый кушак  
Изорван, скручен кое-как,  
К ветвям березы под окном  
Привязан крепким был узлом.  
Пошли прилежно по следам:  
Они вели к Днепру и там  
Могли заметить на мели  
Рубец отчалившей ладьи.  
Вблизи, на прутьях тростника  
Лоскут того же кушака

Висел в воде одним концом,  
Колеблем ранним ветерком.  
Бежал! Но кто ж ему помог?  
Конечно, люди, а не бог!..  
И где же он нашел друзей?  
Знать, точно он большой злодей!  
Так, собираясь, меж собой  
Твердили иноки порой.  
Остальное тебе уже известно,  
И грехи мои целиком, и скорбь моя наполовину,  
Но не говори мне более о покаянии...  
Байрон (англ.)

'Tis he! 'tis he! I know him now;  
I know him by his pallid brow...  
Зима! из глубины снегов  
Встают, чернея, пни дерёв,  
Как призраки, склонясь челом  
Над замерзающим Днепром.  
Глядится тусклый день в стекло  
Прозрачных льдин и занесло  
Овраги снегом. На заре  
Лишь заяц крадется к норе  
И, прыгая назад, вперед,  
Свой след запутанный кладет;  
Да иногда, во тьме ночной,  
Раздастся псов протяжный вой,  
Когда, голодный и худой,  
Обходит волк вокруг гумна.  
И если в поле тишина,  
То даже слышны издали  
Его тяжелые шаги,  
И скрип, и щелканье зубов;  
И каждый вечер меж кустов  
Сто ярких глаз, как свечи в ряд,  
Во мраке прыгают, блестят...  
Но вьюги зимней не страшась,  
Однажды в ранний утра час  
Боярин Орша дал приказ

Собраться челяди своей,  
Точить ножи, седлать коней;  
И разнеслась везде молва,  
Что беспокойная Литва  
С толпою дерзких воевод  
На землю русскую идет.  
От войска русского гонцы  
Во все помчались концы.  
Зовут бояр и их людей  
На славный пир на пир мечей!  
Садится Орша на коня,  
Дал знак рукой гремя, звеня,  
Средь вопля женщин и детей  
Все повскакали на коней,  
И каждый с знаменьем креста  
За ним проехал в ворота;  
Лишь он, безмолвный, не крестясь,  
Как бусурман, татарский князь,  
К своим приближась воротам,  
Возвел глаза не к небесам;  
Возвел он их на терем тот,  
Где прежде жил он без забот,  
Где нынче ветер лишь живет  
И где, качая изредка  
Дверь без ключа и без замка,  
Как мать качает колыбель,  
Поет гульливая метель!..  
Умчался дале шумный бой,  
Оставя след багровый свой...  
Между поверженных коней,  
Обломков копий и мечей  
В то время всадник разъезжал;  
Чего-то, мнилось, он искал,  
То низко голову склоня,  
До гривы черного коня,  
То вдруг привстав на стременах...  
Кто ж он? не русский! и не лях  
Хоть платье польское на нем  
Пестрело ярко серебром,

Хоть сабля польская, звеня,  
Стучала по ребрам коня!  
Чела крутого смуглый цвет,  
Глаза, в которых мрак и свет  
В борьбе сменялися не раз,  
Почти могли б уверить вас,  
Что в нем кипела кровь татар...  
Он был не молод и не стар.  
Но, рассмотрев его черты,  
Не чуждые той красоты  
Невыразимой, но живой,  
Которой блеск печальный свой  
Мысль неизменная дала,  
Где все что есть добра и зла  
В душе, прикованной к земле,  
Отражено как на стекле,  
Вздохнувши, всякий бы сказал,  
Что жил он меньше, чем страдал.  
Среди долины был курган.  
Корнистый дуб, как великан,  
Его пятою попирал  
И горделиво расстилал  
Над ним по прихоти своей  
Шатер чернеющих ветвей.  
Тут бой ужасный закипел,  
Тут и затих. Громада тел,  
Обезображенных мечом,  
Пестрела на кургане том,  
И снег, окрашенный в крови,  
Кой-где протаял до земли;  
Кора на дубе вековом  
Была изрублена кругом,  
И кровь на ней видна была,  
Как будто бы она текла  
Из глубины сих новых ран...  
И всадник въехал на курган,  
Потом с коня он соскочил  
И так в раздумье говорил:  
Вот место мертвый иль живой

Он здесь... вот дуб к нему спиной  
Прижавшись, бешеный старик  
Рубился видел я хоть миг,  
Как, окружен со всех сторон,  
С пятью рабами бился он,  
И дорого тебе, Литва,  
Досталась эта голова!..  
Здесь сквозь толпу, издалека  
Я видел, как его рука  
Три раза с саблей поднялась  
И опустилась каждый раз,  
Когда она являлась вновь,  
По ней ручьем бежала кровь...  
Четвертый взмах я долго ждал!  
Но с поля он не побежал,  
Не мог бежать, хотя б желал!..  
И вдруг он внемлет слабый стон,  
Подходит, смотрит: Это он!  
Главу, омытую в крови,  
Боярин приподнял с земли  
И слабым голосом сказал:  
И я узнал тебя! узнал!  
Ни время, ни чужой наряд  
Не изменят зловещий взгляд  
И это бледное чело,  
Где преступление и зло  
Печать оставили свою.  
Арсений! Так, я узнаю,  
Хотя могилы на краю,  
Улыбку прежнюю твою  
И в ней шипящую змею!  
Я узнаю и голос твой  
Меж звуков стороны чужой,  
Которыми ты, может быть,  
Его желаешь изменить.  
Твой умысел постиг я весь,  
Я знаю, для чего ты здесь.  
Но верный родине моей,  
Не отверну теперь очей,

Хоть ты б желал, изменник-лях,  
Прочесть в них близкой смерти страх,  
И сожаленье, и печаль...  
Но знай, что жизни мне не жаль,  
А жаль лишь то, что час мой бил,  
Покуда я не отомстил;  
Что не могу поднять меча,  
Что на руках моих, с плеча  
Омытых кровью до локтей  
Злодеев родины моей,  
Ни капли крови нет твоей!..  
Старик! о прежнем позабудь...  
Взгляни сюда, на эту грудь,  
Она не в ранах, как твоя,  
Но в ней живет тоска-змея!  
Ты отомщен вполне, давно,  
А кем и как не все ль равно?  
Но лучше мне скажи, молю,  
Где отыщу я дочь твою?  
От рук врагов земли твоей,  
Их поцелуев и мечей,  
Хоть сам теперь меж ними я,  
Ее спасти я поклялся!  
Скачи скорей в мой старый дом.  
Там дочь моя; ни ночь, ни днем  
Не ест, не спит, все ждет да ждет,  
Покуда милый не придет!  
Спеши... уж близок мой конец,  
Теперь обиженный отец  
Для вас лишь страшен как мертвец!  
Он дальше говорить хотел,  
Но вдруг язык оцепенел;  
Он сделать знак хотел рукой,  
Но пальцы сжались меж собой.  
Тень смерти мрачной полосой  
Промчалась на его челе;  
Он обернул лицо к земле,  
Вдруг протянулся, захрипел,  
И дух от тела отлетел!

К нему Арсений подошел,  
И руки сжатые развел,  
И поднял голову с земли:  
Две яркие слезы текли  
Из побелевших мутных глаз,  
Собой лишь светлы, как алмаз.  
Спокойны были все черты,  
Исполнены той красоты,  
Лишенной чувства и ума,  
Таинственной, как смерть сама.  
И долго юноша над ним  
Стоял, раскаяньем томим,  
Невольно мысля о былом,  
Прощая не прощен ни в чем!  
И на груди его потом  
Он тихо распахнул кафтан:  
Старинных и последних ран  
На ней кровавые следы  
Вились, чернели, как бразды.  
Он руку к сердцу приложил,  
И трепет замиравших жил  
Ему неясно возвестил,  
Что в буйном сердце мертвеца  
Кипели страсти до конца,  
Что блеск печальный этих глаз  
Гораздо прежде их погас!..  
Уж время шло к закату дня,  
И сел Арсений на коня,  
Стальные шпоры он в бока  
Ему вонзил и в два прыжка  
От места битвы роковой  
Он был далеко. Пеленой  
Широкою за ним луга  
Тянулись: яркие снега  
При свете косвенных лучей  
Сверкали тысячью огней.  
Пред ним стеной знакомый лес  
Чернеет на краю небес;  
Под сень деревьев въезжает он:

Все тихо, всюду мертвый сон,  
Лишь иногда с седого пня,  
Послыша близкий храп коня,  
Тяжелый ворон, царь степной,  
Слетит и сядет на другой,  
Свой кровожадный чистя клев  
О сучья жесткие дерев;  
Лишь отдаленный вой волков,  
Бегущих жадною толпой  
На место битвы роковой,  
Терялся в тишине степей...  
Сыпучий иней вокруг ветвей  
Берез и сосен, над путем  
Прозрачным свившихся шатром,  
Висел косматой бахромой;  
И часто, шапкой иль рукой  
Когда за них он задевал,  
Прах серебристый осыпал  
Его лицо... и быстро он  
Скакал, в раздумье погружен.  
Измучил непривычный бег  
Его коня в глубокий снег  
Он вязнет часто... труден путь!  
Как печь, его дымится грудь,  
От нетерпенья седока  
В крови и пене все бока.  
Но близко, близко... вот и дом  
На берегу Днепра крутом  
Пред ним встает из-за горы,  
Заборы, избы и дворы  
Приветливо между собой  
Теснятся пестрою толпой,  
Лишь дом боярский между них,  
Как призрак, сумрачен и тих!..  
Он въехал на широкий двор.  
Все пусто... будто глад иль мор  
Недавно пировали в нем.  
Он слез с коня, идет пешком...  
Толпа играющих детей,

Испуганных огнем очей,  
Одеждой чуждой пришлеца  
И бледностью его лица,  
Его встречает у крыльца  
И с криком убегает прочь...  
Он входит в дом в покоех ночь,  
Закрыты ставни, пол скрипит,  
Пустая утварь дребезжит  
На старых полках; лишь порой  
Широкой, белой полосой  
Рисуясь на печи большой,  
Проходит в трещину ставней  
Холодный свет дневных лучей!  
И лестницу Арсений зрит  
Сквозь сумрак; он бежит, летит  
Наверх, по шатким ступеням.  
Вот свет блеснул его очам,  
Пред ним замерзшее окно:  
Оно давно растворено,  
Сугробом собрался большим  
Снег, не растаявший под ним.  
Увы! знакомые места!  
Налево дверь но заперта.  
Как кровью, ржавчиной покрыт,  
Большой замок на ней висит,  
И, вынув нож из кушака,  
Он всунул в скважину замка,  
И, затрещав, распался тот...  
И тихо дверь толкнув вперед,  
Он входит робкою стопой  
В светлицу девы молодой.  
Он руки с трепетом простер,  
Он ищет взором милый взор,  
И слабый шепчет он привет:  
На взгляд, на речь ответа нет!  
Однако смято ложе сна,  
Как будто бы на нем она  
Тому назад лишь день, лишь час  
Главу покоила не раз,

Младенческий вкушая сон.  
Но, приближаясь, видит он  
На тонких белых кружевах  
Чернеющий слоями прах,  
И ткани паутин седых  
Вкруг занавесок парчевых.  
Тогда в окно светлицы той  
Упал заката луч златой,  
Играя, на ковер цветной;  
Арсений голову склонил...  
Но вдруг затрясся, отскочил  
И вскрикнул, будто на змею  
Поставил он пята свою...  
Увы! теперь он был бы рад,  
Когда б быстрее, чем мысль иль взгляд,  
В него проник смертельный яд!..  
Громаду белую костей  
И желтый череп без очей  
С улыбкой вечной и немой  
Вот что узрел он пред собой.  
Густая, длинная коса,  
Плеч беломраморных краса,  
Рассыпавшись, к сухим костям  
Кой-где прилипнула... и там,  
Где сердце чистое такой  
Любовью билось огневой,  
Давно без пищи уж бродил  
Кровавый червь жилец могил!  
Так вот все то, что я любил!  
Холодный и бездушный прах,  
Горевший на моих устах,  
Теперь без чувства, без любви  
Сожмут объятия земли.  
Душа прекрасная ее,  
Приняв другое бытие,  
Теперь парит в стране святой,  
И как укор передо мной  
Ее минутной жизни след!  
Она погибла в цвете лет

Средь тайных мук иль без тревог,  
Когда и как, то знает бог.  
Он был отец но был мой враг:  
Тому свидетель этот прах,  
Лишенный сени гробовой,  
На свете признанный лишь мной!  
Да, я преступник, я злодей  
Но казнь равна ль вине моей?  
Ни на земле, ни в свете том  
Нам не сойтись одним путем...  
Разлуки первый грозный час  
Стал веком, вечностью для нас,  
О, если б рай передо мной  
Открыт был властью неземной,  
Клянусь, я прежде, чем вступил,  
У врат священных бы спросил,  
Найду ли там среди святых  
Погибший рай надежд моих.  
Творец! отдай ты мне назад  
Ее улыбку, нежный взгляд,  
Отдай мне свежие уста  
И голос сладкий, как мечта,  
Один лишь слабый звук отдай...  
Что без нее земля и рай?  
Одни лишь звучные слова,  
Блестящий храм без божества!..  
Теперь осталось мне одно:  
Иду! куда? не все ль равно,  
Та иль другая сторона?  
Здесь прах ее, но не она!  
Иду отсюда навсегда  
Без дум, без цели и труда,  
Один с тоской во тьме ночной,  
И вьюга след завееет мой!..  
Это он, это он! Я теперь узнаю его;  
Я узнаю его по бледному челу...  
Байрон (англ.)